

Е. В. Аничков

**Весенняя обрядовая песня на
Западе и у славян**

Часть 2. От песни к поэзии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е. В. Аничков**
Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян: Часть 2. От песни к поэзии /
Е. В. Аничков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 416 с.

ISBN 978-5-4241-5600-7

ISBN 978-5-4241-5600-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нечего говорить, однако, что по отношенію къ эпической поэзіи настоящая книга скорѣе бросаетъ гипотезу, чѣмъ устанавливаетъ ее. Происхожденіе эпоса осталось неразсмотрѣннымъ вовсе. Тутъ будущему изслѣдователю даже не расчищенъ путь. Только сообразовываясь съ высказанными здѣсь мною предположеніями этотъ будущій изслѣдователь долженъ будетъ поневолѣ, и заранѣе можно сказать, что происхожденіе поэзіи, которому предстоитъ быть предложеннымъ тогда, прійдется помѣститься гдѣ-нибудь на равнодѣйствующей высказанныхъ тутъ и имѣющихъ быть высказанными тогда обобщеній.

Книга эта заканчивалась при грустныхъ обстоятельствахъ — и не только личныхъ. Пока она печаталась, не стало дорогого ей автору ученаго и мыслителя, Гастона Париса. Миръ праху этого искренняго, добросовѣстнаго и неустанно пытливаго изслѣдователя, для столькихъ поколѣній романистовъ всѣхъ націй умѣвшаго стать такимъ вдохновляющимъ, внимательнымъ и добрымъ учителемъ! Блестѣвшая мнѣ на пути работы мысль принести эту книгу въ его рабочій кабинетъ, гдѣ такъ бодро и дѣятельно работалось и намъ, его разноплеменнымъ ученикамъ, должна погаснуть. Последнее спасибо за всѣ совѣты и поощренія, за все участіе и довѣріе!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весеннія игры и забавы . . . . . стр. 1—99

I. Хороводное веселіе современнаго крестьянства и весенняя «радость» средних вѣковъ. Весенніе хороводы, танки, ора и кола русскихъ и славянъ, 1—6. Глубокая древность и общераспространенность хороводной пляски, 7—8. Современные танцы вокругъ майскаго дерева и средневѣковые «*carolea*» и «*geigen*», 9—15. «*Des meien tanz*» и «*osterspiel*» въ пѣсняхъ Нидгарта фонъ Рюенталь, 15—17. *Литературно-сѣтское значеніе осеннихъ праздниковъ въ средніе вѣка*, 18—23. «Весенняя радость» и весенній запѣвъ въ пѣсняхъ трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ, 24—33. *Народное происхожденіе «весенней радости»*, 34—38. Весенніе запѣвы въ пѣсняхъ Востока Европы, 38—40.

II. Основныя темы хороводныхъ пѣсней. Пѣсни сборныя и разборныя, 40—46. Пѣсни шуточные, 47—48. Тема: «о семейномъ положеніи участницъ хоровода», 49—51. «Дѣвчья воля», 52—54. Несчастья въ замужествѣ, изображенныя среди плясового разгула, 54—58. «Гроза» мужа, какъ помѣха веселію и пляскѣ, 59—61. Тема: «о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками», 62. «Споръ матери съ дочерью», какъ одна изъ разновидностей этой темы, 63—64. Тоже значеніе имѣютъ и пѣсни о чернячкѣ, чернецѣ и насильственномъ постригѣ, 65—67. Трагическое изображеніе самаго хороводнаго веселья, 68—71.

III. Военскія весеннія потѣхи. Придворные весенніе праздники среднихъ вѣковъ и подражанія имъ среди городского населенія, 72. «*Maienvart*», «*Mairitt*», «*staggi*» и позднія отраженія ихъ въ крестьянской средѣ, 73—77. Еще разъ о растительной миеологіи Маннгардта, 78—79. «*Maigraf*», «смайскій король» и «*rusadli Kral*», 79—80. «*Rusalet*» албанцевъ, «*caluczenii*» румыны и Русалин Южной Македоніи, 80—81. *Весна — время начала воен-*

ныиъ *дѣйстви*, 81. Весенніе запѣвы рыцарскихъ и солдатскихъ пѣсенъ, 82—84. *Agonium Martiale, armilustrium, quinquartus* и пляска Салиевъ, 85—86. *Спортивная осенняя игра*: «Paragalenschiesse», «Targetshooting» и «Strzelanie do Kurka», 87—88. Вѣганье въ залуки, 89. Скачки при выгонѣ лошадей въ поле, 90—92. Робинъ Гудъ и «hobby horse», какъ послѣдняя шуточная стадія въ переживаніи воинскаго праздника, 93—97. Мы можемъ объяснить теперь и *весеннее значеніе кумовства и поворотности*, 98—99.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Любовные мотивы въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ, стр. 100—209

I. Эротическіе мотивы темы о «борьбѣ хороводнаго веселія съ его противниками». «Споръ матери и дочери» въ нѣмецкомъ Langtanz'ѣ XVII в. и у Нидгарта фонъ Рюентала, 102—110. *Милъ-сердечный другъ — главная приманка въ хороводѣ*, 111. Влюбленные монахи и монахини, 111—112. Новая разновидность мотива о несчастѣ въ замужествѣ: пѣсни о семейномъ разладѣ, 112—115. «Чоловикъ та жінка», 116. Мотивы о «дѣвичьей вогѣ» и о «горестяхъ замужней женщины» на Западѣ, 117—118. «La mal marité» какъ типично-плясовая тема и прежнія ея толкованія, 119—124. Итальянская пѣсня о жевѣ-плясунѣ (XV в.), 125—128. Древняя провансальская пѣсня: «A l'entrade del tans clars», 129—133. *Средневековая «mal marité», какъ передѣлка хороводныхъ пѣсенъ о «горестяхъ замужней жизни»*, 134—140. О переходѣ хороводныхъ пѣсенъ въ обыденныя, 141—143. Пѣсня: «Sur le pont d'Avignon», какъ chanson d'oreiller, 144—145. Пѣсенный сюжетъ и обрядовое иносказаніе, 145—146.

II. Весенніе запѣвы средневековой лирической поэзіи и античная эротика. Весна—время любви въ пьесахъ раннихъ трубадуровъ Прованса, 146—148. «Amors, joi e joves» и «gai saber», 149. «Весенняя радость» и любовная тоска, 150—151. Тѣже мысли у миннезингеровъ и труверовъ, 152—159. 1-ое Мая—любовный праздникъ въ аллегорической литературѣ среднихъ вѣковъ и ранняго Возрожденія, 160. Весенній запѣвъ въ поэзіи XV и XVI вв. и въ западныхъ народныхъ пѣсняхъ, 161—166. Теорія Дица, Уландъ, Шерера и А. Н. Веселовскаго о происхожденіи этого своеобразнаго поэтическаго приема, 167—169. Мнѣніе о немъ Гастона Париса, 169—170. Европейскій майскій праздникъ и древній культъ Венеры, 170—172. Весенніе запѣвы у древне-греческихъ эротиковъ, 173—175. *Народно-обрядовое происхожденіе весеннего запѣванья о «радости» и книжное происхожденіе того взгляда, что весна есть время любви*, 176—177.

III. Обрядовой эротизмъ весеннихъ праздниковъ. Французскіе: «planter le mai» и «penthaier», итальянское «arriccare

il Maio» и нѣмецкое «Maienteckens», 177—179. Тотъ же обычай у словенцевъ, чеховъ и моравовъ, 180. Отраженіе его въ Пьемонтскихъ и французскихъ пѣсняхъ, 181—182. *Enlèvement et Maienteckens, какъ равносидность весеннему убранству*, 183. «Maieleben», 184—185. Весеннія парочки и нашъ «выборъ дѣвокъ въ хоровадь», 186—189. Эротизмъ народной пляски вообще, 189—191. Эротическій характеръ и обрядовъ «по цвѣточкн», завиванья вѣнковъ и сербскихъ «за бѣячки», 192—199. *Любовное значеніе стика*, 200. Весеннее кумовство, побратимство, сербское «Ружичало», «Johannis minne» и «compagnatico di san Giovanni», 201—204. Эротическій характеръ весеннихъ забавъ и періодъ сирециваній, 205—207. Можно ли остановиться на выводахъ Вестермарка? 208. *Необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія*, 209.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношеніе весенней обрядности къ браку. . . . стр. 210—304

I. Когда женится человекъ, живущій натуральнымъ хозяйствомъ? Время «свадебъ» на Руси и древне-греческій *ἱερός γάμος*, 212—213. Праздникъ Марса и Анны Перенны, 214. Схожіе индѣйскіе обряды, 215. «Женитьба Терешки», 216—218. «Вьюнецъ», 219. Обрядъ «колодки», 220. «Пришла весна — прошло время свадебъ» и пѣсенная тема о томъ, чего стоятъ парни и дѣвушки, 221—223. Почему весной не время играть свадьбы, 224—226. *Весна — время любовныхъ думъ и гаданья о суженномъ*, 227—228. Пѣсни о «старомъ», о «маломъ» и о «ровнѣ», 229—230. Сербскія пѣсни загадыванья о будущемъ и гаданья о женихахъ, 231—235. *Любовно-брачное значеніе обрядового плетенія стиковъ*, 236.

II. Пѣсни весенняго привѣтствія, напѣвающія дѣвушкамъ жениховъ, а парнямъ невѣсть. Французская «шагіе», итальянская «эрова» и нѣмецкая «Maibraut» теперь становятся вполнѣ понятными, 236—237. *Напѣваемая свадьба, какъ источникъ новой счастья-доловства въ кралицалъ и лазарскихъ пѣсняхъ*, 238—241. Символическія изображенія свадьбы и будущіе сюжеты лирико-эпическихъ пѣсней, 242—243. Образы молодца-наѣздника, стрѣльца и чудесной птицы въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ, 244. Мифіе Потевни о молодцѣ-наѣздникѣ, 245. *Охота въ пѣсняхъ разнаго примѣненія есть символъ брака*, 245—250. Чудесный олень нашихъ пѣсней и христіанская легенда о св. Евстафіи и Губертѣ, 250—253. Не объясняется ли этимъ и мотивъ чудесной птицы? 253. Символь птицы-вѣстницы любви или уносящей за море, вводитъ насъ въ новый рядъ образовъ брачной символики, основаннымъ уже на «судьяканіи», 254—257. Мотивъ рыболова, спасающаго колечко дѣвушки и мотивъ утопанія, 258—260. Еще разъ о значеніи кольца или вѣнка въ народной символикѣ и мотивъ павы, роняющей перья, въ весеннихъ пѣсняхъ, 261—266.

Французская пѣсня «L'Anneau Perdu» и *преображеніе смысла ея сюжетомъ*, 266—267. «Липшій милейкій, якъ братъ ріднейкій» и *мотивъ мореплавателя*, 268—270. Символическое происхожденіе пѣсней «Le Jeune Marinier», 271—278. Еще разъ—навадь къ хорюводнымъ пѣснямъ, 274—275.

III. Участники хорюводнаго веселія — женихи и невѣсты. Выборъ дѣвокъ въ хорюводѣ и предложеніе весною, 276—279. Весна—время сватовства, 280—281. Хорюводныя игры «А мы просо сѣдали» и «Царенко», 281—286. Одно историческое воспоминаніе въ хорюводно-обрядовой пѣснѣ: «Воротарь», 287. Мисеологическія построенія о ней Потебни, 288—289. Что такое «мешинное дитя»? и игра — «Колосокъ идетъ», 290—292. *Новый символъ брака — подчиненіе*, и пѣсня «Какъ по морю, морю сплему», 298—297. «Der Schäfer von Neustadt», какъ показатель темы о выборѣ жениховъ и невѣстъ въ хорюводныхъ пѣсняхъ-играхъ Запада, 297—298. «Мешинное дитя» ввѣдѣ сербскаго Лазаря, 298—290.

Общіе выводы изъ двухъ послѣднихъ главъ. Весеннее женихованіе и формы первобытнаго брака, 299—302. Какъ понимать «игрища между селъ» нашей лѣтописи? 302—303. *Дѣвушки и парни, какъ главные участники хорюводнаго веселія объясняютъ ея смыслъ*, 303—304.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Происхожденіе поэзіи . . . . . стр. 305—380

I. Религіозно-бытовая основа искусства. Значеніе разобранныхъ въ этой части пѣсней для исторической поэтики, 305—306. *Обрядового происхожденія не только — песни-заклинанія, но и любовныя, военныя и шуточные песни*, 306—308. Ритмъ, какъ способъ возбужденія мускульной и психической энергіи, 309—310. Работа, обрядъ и пѣсня, 310—311. «*Заговоры и заклинанія — такова первоначальная форма поэзіи*», 311. Пѣсня и религія, 312—318. Два слова объ эпической пѣснѣ, 318. Искусство въ широкомъ смыслѣ и искусство художественное, 318—315. Зачѣмъ первобытный человѣкъ тратитъ столько силъ на украшеніе? 316—317. Костюмъ и пѣсня-пляска, 317. Сакральное значеніе изобразительныхъ искусствъ, 317—318. *Первобытное искусство преслѣдуетъ только жизненно-практическія цѣли*, 318.

II. «Цѣлесообразность безъ цѣли» поэзіи и до-эстетическая пѣсня. Эволюція эстетическаго сознанія, 319. Ирѣ Хирнъ о пѣснѣ Тайльера во время битвы при Гастингсѣ, 319—320. Кантовская теорія «цѣлесообразности безъ цѣли» и современная психологическая эстетика, 320—321. *Художественное наслажденіе есть наслажденіе «сочувственнымъ переживаніемъ» (Mit-erleben)*, 321—322. Кадарці; Аристотеля въ интерпретаціи Лессинга, Бернайса, Ницше и Ирѣ Хирна, 322—324. Сосредоточеніе

вниманія и эстетическое наслажденіе, 324—326. Гроосъ и Ирѣъ Хиръ о выразительности произведеній искусства, 326—326. Психологія оверпанія, 326—327. *До-эстетическая психія управляетъ нашимъ вниманіемъ, а психія сосредоточиваетъ его на своихъ образахъ*, 327—328. Ритмъ и рабочія пѣсни, 328—329. Содержаніе ихъ и попытка объясненія любовныхъ мотивовъ *chansons de toile*, 330. Не-эстетическое восприниманіе художественныхъ произведеній нашего времени, 331—332. Внушеніе въ первобытномъ и современномъ искусствѣ, 332—333. Теорія Бергсона и Сурьо, 334—335. *Внушеніе, никогда составлявшее назначеніе поэзіи, съ настоющимъ еремъ лишь служитъ ея выразительности*, 335.

III. Эстетическое значеніе народныхъ праздниковъ. Религиозно-бытовое значеніе обряда и обрядъ-игра, 336—337. О красотѣ весенняго цвѣточнаго праздника, 337—339. «Праздничный» характеръ народной поэзіи, 339—340. Праздничное возбужденіе «желаній» и психологія воображенія, 340—341. Теорія Липса о трагизмѣ и тема о «борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками», 342. Одна блестящая страница изъ «Промышленія Трагедіи» Ницше, 342—343. *Художественной становится народная психія на лонѣ праздника*, 344. Начало поэзіи, 345.

IV. Возникновеніе лирической поэзіи въ средніе вѣка. Народные праздники и эволюція поэтическихъ родовъ, 345—346. Литературное значеніе праздника 1-го Мая, 347. Что мы узнали о народныхъ пѣсняхъ средневѣковой Европы? 348—350. Любовные мотивы средневѣковыхъ рабочихъ, свадебныхъ и привѣстныхъ пѣсенъ, 349. Хороводная пѣсня въ средніе вѣка, 350. Пѣсня военная и застольная, 350. Трубадуры, труверы и миннезингеры, какъ пѣвцы и какъ поэты, 351—352. «Мужичья мода» труверовъ Арраса и Нидгарта фонъ-Рюенталя и общій интересъ къ народной поэзіи въ XIII в. во Франціи, Германіи и Италіи, 353—354. Возникновеніе поэзіи трубадуровъ и «вопа роитевіна», 355—356. Отъ пѣсенъ вилановъ и мѣщанъ къ замкнутому аристократизму поэтики трубадуровъ, 356—357. Эротизмъ весенней хороводной пѣсни и античная эротика, 357—358. Почему теорія «встрѣчныхъ теченій» А. Н. Веселовскаго въ данномъ случаѣ не приѣмима? 358—359. Трубадуръ-клеркъ и трубадуръ-сиревтъ, 359—360. *Историко-литературное значеніе воинскаго весенняго праздника*, 360. Политическая децентрализація и судьбы народной поэзіи, 361. *Провинціальныи и аристократически-деревенскій характеръ поэзіи «любви, веселія и молодости»*, 361—362.

V. Психологія художественнаго творчества и идеализмъ въ эстетикѣ. Дворжество и доблесть, какъ главное содержаніе поэзіи трубадуровъ, 362—363. «Возстаніе формы» Фомы Аквината и средневѣковая поэтика, 363—364. *Трубадуръ—создатель новой общественной среды*, 364. Поэзія Вильгельма IX, Пуату, Сермамона и Маркабрю, 365—367. *Нарожденіе личной поэзіи ес-*

*дети не только к обновлению формы, но и к новому содержанию определяющему эту форму, 368—369. Леонидъ Майковъ объ основномъ характерѣ народной поэзіи, 369—370. Неустойчивость текста народной пѣсни и устойчивая традиціонность ея образовъ и выраженій, объясняется тѣмъ, что въ народномъ художествѣ нѣтъ другого побужденія къ творчеству кромѣ религиозно-бытовыхъ цѣлей, 370—371. Невозможность и необходимость вымиранія народнаго писемтвора, 371. Только обрядовое самосознаніе спасаетъ пѣсню отъ исчезновенія, 371—372. Три основныхъ момента въ эволюціи искусства, 372—373. «Сочувственное переживаніе» и *хидарси*, какъ сущность впечатлѣнія отъ народной поэзіи, 373—374. *Нарожденіе художественнаго воспріятія не опредѣляетъ еще собою побужденія къ художественному творчеству, 374—375. Кантовская теорія «генія» и происхожденіе личной поэзіи, 375. Попытка примиренія эстетическаго формализма съ идеализмомъ: художественное воспріятіе формально, но безъ идеи имѣть и не можетъ быть творчествомъ, 376—377. Къ психологій одошовенія, 377—378. «Эстетическія идеи» Канта, 378. *Исканіе и сомнѣніе, какъ основное содержаніе личной поэзіи и различіе между традиціонно-народнымъ и современнымъ символизмомъ, 379—380. Предсмертныя мысли Ницшевскаго Сократа о назначеніи искусства, 380.***

Указатель пѣсенъ . . . . . стр. 385—394

Общій указатель . . . . . стр. 395—404

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весеннія игры и забавы.

Почти все обрядовыя дѣйствія, разобранныя въ первой части этой книги, сопровождаются шумнымъ весельемъ пѣсень, плясокъ, игръ и забавъ. Ихъ связь съ обрядовымъ обиходомъ и ихъ прикладное назначеніе въ обрядѣ мнѣ пришлось разъяснить раньше, чѣмъ стало возможнымъ приступить къ ихъ описанію. Мы видѣли, что въ основѣ своей и онѣ составляютъ необходимую принадлежность сакральнаго дѣйства. Но самое ихъ содержаніе опредѣляется не ихъ чисто прикладнымъ назначеніемъ. Оно развилось само собою по тому пути человѣческой самодѣятельности, который ведетъ не къ дальнѣйшему росту религіознаго сознанія, а къ появленію художественно-поэтическаго творчества. Собранный и обследованный до сихъ поръ матеріалъ позволилъ намъ ознакомиться лишь съ зарожденіемъ узко обрядовой пѣсни; весеннія игры, пляски и забавы дадутъ намъ возможность прослѣдить развитіе обрядовой пѣсни болѣе широкаго примѣненія. Конечнымъ моментомъ этого развитія будетъ уже нарожденіе искусственной, личной поэзіи.

Художественно-поэтическое народное творчество находится въ такой же зависимости отъ бытовыхъ условій, какъ и религіозно-поэтическое.

Передъ началомъ лѣтней страды между послѣднимъ, позднимъ засѣвомъ яроваго и пачаломъ сѣнокоса всегда есть небольшой промежутокъ времени, когда народъ до известной степени свободенъ. Тамъ, гдѣ земля уже не родитъ безъ удобренія, нѣкоторое время уходитъ на навозницу, но и послѣ этого всетаки остается еще съ недѣльку или болѣе времени, чтобы погулять и набраться силъ. Такой-же промежутокъ сравнительно менѣе занятаго времени находится и раньше между первой запашкой и засѣвомъ. Вотъ въ эти-то дни относительной свободы и располагаются оба цикла весеннихъ праздниковъ. Вотъ тутъ-то и происходитъ кромѣ уже разобранныхъ выше обрядовъ еще игры и забавы: водять хороводы, пляшутъ, поютъ.

Въ эти моменты отдыха красавица-весна нашептываетъ свою пѣснь ликованія и веселія. Тогда идутъ уже не въ поле, а на лужокъ или къ опушкѣ лѣса. Тогда есть мѣсто и поэтическому воззрѣнiю на природу. Красоты ея первобытный умъ, конечно, воспринимаетъ по своему; онъ мало любитъся ими, ему хочется скорѣе покрасоваться самому; убраннымъ свѣжей зеленью, пестрыми вѣнками, свѣтлыми одеждами, гуломъ музыки и пѣсень, задоромъ всякихъ игръ и плясокъ отвѣчаетъ первобытный человѣкъ на призывный голосъ весны. Въ эти моменты онъ чувствуетъ не одно только, религіозно-обрядовое значеніе переживаемой поры; цвѣты ему нужны и своей заманчивой яркостью; онъ борется въ эти моменты съ природой, старается заполучить отъ нея побольше выгодъ, но при этомъ онъ живетъ въ полной гармоніи съ ней, какъ отдѣльная часть могучаго и всепоглащающаго цѣлаго.

Разгульная радость народныхъ праздниковъ теперь почти повсемѣстно затихла; тамъ, гдѣ закоптѣлыя фабрики покрыли цѣлыя десятины разными отбросами, уничтожили кругомъ всякую растительность и поставили уродливыя и однообразныя домики для своихъ рабочихъ, отъ нея не осталось и помину. Если нашъ вѣкъ до известной степени подвигъ простаго человѣка на общественной лѣстницѣ, если онъ далъ ему нѣкоторую обезпе-